

описания которых см.: Розита Пунте Дель Эсте. Коллекция графа Зубова в Буэнос-Айресе // Пинакотека. 1999. № 1–2 (8–9). С. 42–47; Тихонов А. Музей Фонда памяти Татьяны Зубовой в Женеве // Там же. С. 48–52.

Несмотря на то что итальянские мотивы содержатся еще в ранних текстах Зубова (см., напр., стихотворение «Баркарола» («Серые тучи с собой нагоняя...») в рукописном сборнике «Из стихотворений. 1900–1903 гг.», отложившемся в фонде К. Р. (ИРЛИ. Ф. 137. Ед. хр. 150. Л. 2–2 об.)), с уверенностью можно датировать лишь путешествие 1907 года — по соответствующей помете под написанным в Неаполе стихотворением «Послесловие» («Залив как зеркало... Спадает тяжкий зной...»): ИРЛИ. РШ. Оп. 1. Ед. хр. 1135. Л. 28; ср. в том же рукописном сборнике: «Вот из Италии тоскливое письмо... / Чернила выцвели, бумага пожелтела — / Как много дней с тех пор мятежных улетело, / Как много писем грустных сожжено!» (Там же. Л. 12).

Вячеслав Иванов

Вопреки интуитивным ожиданиям, документированные венецианские визиты Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949) немногочисленны и мимолетны. В 1892 году во время своего первого большого итальянского путешествия, начавшегося весной и включавшего Геную, Рим, Неаполь, Таормину и др. (см. наброски путевых заметок ««Волшебная страна ITALIA»». — История и поэзия: Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исследование и коммент. Г. М. Бонгард-Левина, Н. В. Котрелева, Е. В. Ляпустиной. М., 2006. С. 399–426), Иванов явно рассматривает возможность посещения Венеции, ср.: «Если Вы еще в городе старых дождей и молодых догаресс и носитесь в таинственных гондолах, то пожалуйста набросайте, как Вы это умеете делать, в письме поразившие Вас черты адриатической красавицы Венеции. О Флоренции выходит из Ваших

двух писем очень цельное и яркое представление» (письмо Н. М. Сперанскому 2/14 июля 1892 года из Рима // РГБ. Ф. 601. Карт. 1. Ед. хр. 30. Л. 5–5 об.). В характеристике Венеции здесь очевидны рефлексыв недавно прочитанного (и тщательно отрецензированного) продолжения знаменитого венецианского наброска Пушкина. В черновых бумагах Иванова сохранился текст осени 1888 года: «„Ночь светла. В небесном поле ходит Веспер золотой. Старый дож плывет в гондоле с догарессой молодой“».

Эти стихи сохранились в бумагах Пушкина. Майков написал к ним эффектное продолжение. Но странным образом это продолжение заключает в себе какую-то тайную дисгармонию с началом, и быть может, не требовалось бы большей проницательности или многих исследований для того, чтобы обнаружить в этом небольшом стихотворении присутствие двух различных талантов.

Майков выдает себя в сопоставлении с Пушкиным некоторою искусственностью изложения, несколько тяжелою ученостью, отсутствием грации и легкости во многих оборотах, некоторою деланностью рифмы и отчасти демократическою выразительностью драматических мест, которые Пушкин как-то умеет смягчать» и т. д. (Иванов Вяч. <Интеллектуальный дневник 1888–1889 гг.> Подготовка текста Н. В. Котрелева и И. Н. Фридмана, примечания Н. В. Котрелева // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 27).

В передвижениях 1893–1898 годов (в том числе и означенной круговым маршрутом по северу Италии поездке осени 1897-го, итог которой зафиксирован: «Здесь в Италии чувствуем себя на родине нашей духовной более, чем когда-либо, и здесь имеем больше сил и жару к работе, чем где-либо» (письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к И. М. Гревсу 17/20 января 1898 года // История и поэзия. Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова. М., 2006. С. 207)) следов Венеции нет, но в 1899 году Иванов оказывается

там при драматических обстоятельствах: официальные препоны, мешающие его церковному браку с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, по предварительным данным, могли быть преодолены в Венеции — и тамошний священник мог бы их обвенчать. Но в дело вмешался русский консул, затребовавший отсутствующие разрешения, и несостоявшиеся супруги вынуждены были уехать. Об этих обстоятельствах, в частности, говорилось в венецианском (с обратным адресом «Venceslao Ivanov, Hotel Belvedere, Veneta Marina, Venezia») письме к М. М. Замятниной от 17/29 июля 1899 года, где среди прочего было сказано: «Дорогой друг, Вы представляете себе, как нам живется худо, несмотря на красоту, здесь нас окружающую» (Вячеслав Иванов. Лидия Зиновьева-Аннибал. Переписка. Т. 2. М., 2009. С. 630; в архиве случайно сохранился еще один документ этих дней: счет венецианского ресторана с датой 21 июля 1899 года, на обороте которого рукой Иванова сделано несколько набросков; Римский архив Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Карт. 9. Ед. хр. 2).

Несмотря на не раз провозглашавшиеся проекты итальянской поездки (ср. в дневниковой записи 12 июня 1906 года: «Вырабатывался план поездки за границу: ей <Л. Д. Зиновьевой-Аннибал>, чтобы отдохнуть и набраться сил в горах, где дети, мне — порыскать, быть может, по Италии. Удовольствию этих скитаний она не завидует; завидует лишь моим отношениям с другими людьми, для нее невозможным, ей как женщине — закрытым. Кончили день все же миром и гармонией». — Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 747), в следующий раз Иванов оказался в Венеции вновь проездом — в августе 1910 года. Обстоятельства этой поездки проясняются из письма М. М. Замятнинной к М. А. Бородаевской от 24 июля 1910 года: «Не знаю ответа ли Вам Вера на ваше письмо, если Вы ей писали в Афины, и не знаю, получила ли даже она его, т. к. она уже не заезжала в Афины обратно, а проехала из Патраса прямо

в Италию во Флоренцию уже вдвоем с Мейерхольдом; там Мейерхольд пробыл с нею дня три, четыре, а затем вернулся в деревню к своим, а Вера, пробыв еще одна во Флоренции дней 8, поехала к нашим друзьям Гриневским, которые теперь живут на своей вилле в Ментоне и у них будет ждать Вячеслава. Таким образом, решив не возвращаться в Россию пока, Вера и не смогла к вам приехать. Своей поездкой Вера очень довольна. Вячеслав Иванович думает уже теперь выехать из Петербурга приблизительно через неделю, т. е. или в самом конце июля, или в самом начале августа, только как наладится набор печатания его примечаний, корректуры уже будут ему посылаться за границу, в Рим, где он думает преимущественно поселиться на то время, пока будет за границей; но он должен будет вместе с Верой обязательно вернуться к 15 октября, т. к. оказалось, что это крайний срок, до которого его отпустили с Раевских курсов, а теперь он уже не вольная птица» (РГБ. Ф. 218. Карт. 1349. Ед. хр. 12. Л. 2–2 об.; по несовершенной копии напечатано: Глухова Е. В. Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 2010. С. 529–530; дневник Шварсалон, который она вела в этой поездке: РГБ. Ф. 109. Карт. 47. Ед. хр. 30). Иванов выехал из Петербурга 31 июля (ср.: «Вяч<еслава> не провожал». — Кузмин. Дневник 1908–1915. С. 229) — и две недели спустя, из Рима, описывал свой маршрут через Варшаву, Вену, Понтеббу — с проходным эпизодом: «В Венеции я воспользовался несколькими минутами остановки на вокзале, чтобы опять добиваться телеграммы — и опять без результата. Поехал дальше с душевными итальянцами, угощавшими меня вином, болонским хлебом (самым тонким на свете) и сигарами взамен моих угощений русскими папиросами и вашим вином, которое было найдено хорошим, но слишком крепким. Виды по этой линии <?> очаровательны» (письмо к М. М. Замятнинной от 26/13 августа 1910 года //

Богомолов Н. А. Сопряжение далековатых. О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходаевиче. М., 2011. С. 86); стоит подчеркнуть, что проложенный здесь маршрут — мимо Венеции во Флоренцию — практически повторяет оппозицию, намеченную в посвященном В. Я. Брюсову стихотворении 1906 года: «Волшебник бледный *Urbi pel et orbi* / То — лев крылатый, ангел венецианский, / Пел медный гимн. А ныне флорентийской / Прозрачнозвонкой внемлю я теорбе».

Следующий — и первый сколько-нибудь продолжительный — визит в Венецию состоялся в 1924 году: командировка, позволившая Иванову с семьей покинуть СССР, имела формальной целью посещение советского павильона на Венецианской биеннале (ср. в письме М. Гершензона к П. Когану: «У нас здесь, кроме нестерпимого зноя и городской пыльной духоты, — событие: приезд Вяч. Иванова. И вообразите: почти на днях Вы обнимете его в Венеции. О. Д. <Каменева> в пять минут устроила ему командировку с 500 руб., с отнесением всех расходов по паспортам и визам на казенный счет, и пр. и пр. Он едет со всей семьей, т. е. с дочерью и сыном, и едет надолго; Венеция — только повод и первый этап, а жить он будет, вероятно, в Риме». — Цит. по: Проскурина В. Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб., 1998. С. 406–407; ср. в письме Гершензона Шестову от 16 июня 1924 г.: «Вяч<еславу> Ив<анов>ичу О. Д. Каменева в одно утро устроила командировку за границу, с хорошим содержанием, с паспортами и визами на казенный счет, и т. д. Он едет с семьей, т. е. с Лидией и Димой, сперва в Венецию, на неопределенный срок». — М. О. Гершензон. Письма к Льву Шестову (1920–1925) / Публикация А. д'Амелиа и В. Аллоя // *Миновшее*. 6. С. 302).

Командировка была выписана по ходатайству Азербайджанского университета (см. выписку из протокола с датой 26 мая 1924 года: *РАИ*. Оп. 6. Карт. 1. Ед. хр. 17); 4 июля в Москве был выдан заграничный

паспорт, действительный до 15 июля 1925 года. Итальянская виза поставлена 31 июля 1924 года посольством в Москве; транзитная литовская виза — 20 августа; транзитная латвийская — 22 августа; транзитная немецкая — 22 августа; транзитная чешская — 23 августа. Выехали они, вероятно, 28 августа. 29 въехали в Латвию, 29–30-го ехали через Германию и 30-го же перешли итальянскую границу (оригинал паспорта: *РАИ*. Оп. 6. Карт. 2. Ед. хр. 8).

Сын Иванова вспоминал много лет спустя:

1924 год. Вячеслав приглашен на Пушкинские юбилейные празднества в Большой театр. Впервые после долгого перерыва он возвращается в Москву. Вдруг — как удар грома — телеграмма к Лидии: Вячеслав общается, что мы едем в Венецию, приказывает собирать вещи и спешить в Москву.

Венеция! Я представляю себе что-то невероятное, нереальное, чудесное. Моисей Альтман, взволнованный неожиданной вестью, дарит мне маленький альбом фотографий с гондолами на ярко-синем море и строго наказывает мне ни за что альбом не потерять (он, увы, где-то исчезает). Готовится экспедиция из Баку в Москву. А в Москве начинаются сборы, взволнованные прощания. Командировка, полученная Вячеславом, и включающая — это большая привилегия — всю семью, выписана для посещения советского павильона на международной выставке «Биеннале» в Венеции. Вячеслав после Венеции может поехать в Рим для продолжения своих академических занятий. Он не скрывает своего намерения поселиться в Риме окончательно («Я еду умирать в Рим!» — говорит он друзьям).

Этапы путешествия были: Рига, первый в те годы город «того», капиталистического мира, Берлин, Мюнхен и Венеция. Путешествие было не без сюрреалистических деталей. С нами в купе ехала грациозная карлица, которую мой отец на ночь аккуратно поднимал и укладывал в сетку для багажа. Жил с нами рядом в поезде и громадный, к счастью, благодушный сенбернар. Мой отец, несмотря на принадлежность собак к миру загробному, с ним, однако, дружил.

Карлица и сенбернар были членами цирковой труппы, ехавшей на гастроли.

В Венецию мы прибыли в час ночи. Волшебная гондола поплыла через узкие, мертвые каналы. Полная луна освещала ярко сияющие дворцы. Посреди ночи под окнами гостиницы вдруг зазвучала серенада: бархатный голос тенора и робкая мандолина. На следующий день мы отправились на выставку-биеннале посетить советский павильон. В середине главного здания выставки покоилась на высоком пьедестале большая мраморная голова. Под бюстом была надпись — «Муссолини». Я смотрел на голову с любопытством и страхом. В Баку это имя иногда звучало как что-то страшное и странное, слегка сродное тем неудобным богам, о которых я так много слышал сквозь сон в разговорах отца. Я не подозревал, созерцая в Венеции мраморного Муссолини, что скоро стану его ближайшим соседом на улице Четырех фонтанов в Риме.

(Иванов Д. В. Из воспоминаний // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 46; ср., кстати, лаконичное замечание самого Вяч. Иванова уже из Рима: «А старина еще величавее, чем прежде; с дружественною и уверенною ясностью глядит она, словно улыбаясь, на новую жизнь, и Венеция еще чудеснее, еще прекраснее Флоренция, еще вырос вечный город. „Весело мне“, — как сказал Пушкин при посещении мастерской художника, — весело веселостью художника, хотя прежнего счастья в душе нет, и благословенное солнце Италии лишь целебно ласкает мою усталую старость...» (письмо к О. А. Шор от 27 сентября 1924 года // Переписка В. И. Иванова и О. А. Шор. Предисловие А. А. Кондюриной, публикация А. А. Кондюриной, Л. Н. Ивановой, Д. Рицци и А. Б. Шишкина // Русско-итальянский архив. III. Вячеслав Иванов — новые материалы / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2001. С. 166)). Ср. в воспоминаниях дочери: «Я без удовольствия думаю, что теперь придется смотреть на все эти до пошлости избытые картины Венеции.

И вот мы в нее попадаем поздно ночью. Чтобы проехать в гостиницу, единственное средство — нанять частную гондолу. Город сразу овладевает мною, как по волшебству. Плыдем в тишине, как-то жутко — избытые картины Венеции отошли, как нечто, не имеющее ничего общего с реальностью. Едем долго, сложно. Приезжаем. Нас помещают в маленьком пансионе. Лежу в постели. Через открытое окно слышится гитара, кто-то поет — классическая серенада. На следующее утро веселый гам и крики: оказывается, что это площадь рыбного базара. В Венеции мы совсем закрутились, бегая по городу, так что вспомнили о нашей обязанности пойти в советский павильон (причина нашей командировки) лишь в последний день, за час до его закрытия» (Иванова Л. Книга об отце. Воспоминания. М., 1992. С. 130). 17 сентября Иванов уже был в Риме, поставив в паспорт отметку в Генеральном консульстве СССР (ср., впрочем, сведения о прибытии «14 сент<ября>» после трехнедельного путешествия и после трехмесячных хлопот» (письмо Л. В. Ивановой к Е. А. Эрн от 24 октября 1924 года (цит. по: Котрелев Н. Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким. К истории журнала «Беседа» // *Europa orientalis*. 1995. Vol. 14 (2). С. 183)).

Димитрий Иванов

Иванов Димитрий Вячеславович (1912–2003) — журналист, поэт. Сын Вячеслава Иванова и В. К. Шварсалон; родился во французской деревне Невсель на границе Швейцарии, где родители обосновались за полтора месяца до его появления на свет («Вячеслав очарован озером и горами, находит озеро красивее гораздо, чем в Женеве» (письмо В. Шварсалон к М. Замятниной // *РГБ*. Ф. 109. Карт. 37. Ед. хр. 17. Л. 46)). Учился в бакинской школе, где вольным нравом и отсутствием прилежания вызывал неудовольствие учителей («Подумайте, — <...> ведь он сын профессора». — Иванов Д. В. Из воспоминаний //

Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 41), потом, после переезда семьи в Рим, во французском лицее им. Шатобриана, затем в бенедиктинском колледже в Энгельберге и, наконец, в университете французского Эксан-Прованса.

Его память сохранила обстоятельства отъезда из СССР летом 1924 года: «Первой станцией свободного мира, где мы оказались, была Рига; пробежка по городу между двумя поездами, а потом — Мюнхен и Венеция. Это было волшебство. Мы прибыли в Венецию около часа ночи. Отец объявил: „К черту скупость!“ — и мы взяли гондолу. Впрочем, подозреваю, что в это время суток у нас просто не было другого выхода. Чтобы выудить у нас побольше денег, гондольер, вместо того чтобы следовать Большим каналом, повез нас извилистыми маленькими каналами. Это было великолепно: свет луны, каналы — всё как в кино, но настоящее. <...>

Единственная гостиница, которую помнил отец, — „Даниэли“, роскошный отель, поселиться там было бы крайне неразумно. Но, к счастью, свободных мест не оказалось. Нас направили в маленький пансион по соседству, там нам удалось снять номер, да еще и под окнами нашими спели серенаду. Словом, началась новая жизнь. <...> В Венеции мы пробыли несколько дней, потом уехали в Рим» (Обер Р., Гфеллер У. Беседы с Димитрием Вячеславовичем Ивановым. СПб., 1999. С. 58–59; ср. с. 681–682 наст. изд.; ср. почти одновременный взгляд со стороны: «Дима принарядился, причесался и подтянулся. Его правая рука обтянута перчаткой. С увлечением осматривает и изучает руины и музеи. Очень почувствовал Венецию, — меньше Флоренцию. Рим предпочитает всему увиденному». — Письмо В. И. Иванова к Ал. Н. Чеботаревской от 27 октября 1924 года. — Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской. Публикация А. В. Лаврова // ЕРОПД на 1997 г. СПб., 2002. С. 287–288).

Первые литературные опыты Дм. Вяч. относятся еще к бакинским годам (его

стихотворная эпитафия Людовику XVI сохранилась среди бумаг Вяч. Иванова: *ИРЛИ*. Ф. 189. Ед. хр. 93. Л. 14–14 об.); вероятно, некоторое их число было обнаружено в рукописном журнале, о существовании которого мы знаем из письма двенадцатилетнего Дм. В. к пятнадцатилетней И. В. Эрн, дочери В. Ф. Эрна:

«Извините, что я пишу Вам, совершенно не зная Вас. К этому меня побуждают две причины: во-первых, сильное желание познакомиться с Вами, так как мы с Вами виделись, когда мне было 5–6 лет; во-вторых, я пишу Вам, как член редакции журнала „Школьник“.

Помню, как мы, я и Вы, сидели вместе на коленях Владимира Францевича <Эрна> в его комнате. Вы должно быть забыли этот эпизод, но мне он врезался в память. Больше этого (кроме рассказов), я ничего не знаю о Вас. Надеюсь, что я найду себе друга хотя бы и по переписке. Но к делу. Редакция просит Вашего разрешения напечатать в журнале и Ваши стихи» (письмо от 14 апреля 1924 года (собрание К. Д. Фомина)).

В начальные годы эмиграции он продолжал писать стихи на русском и французском языках, а прозу — на французском и немецком, встречая горячее одобрение отца: «Тебе, о Димитрий, желаем многие леты счастливы, от Музы твоей шаловливой высокия слова приливы» (письмо 6 ноября 1932 года // *РАИ*. Оп. 4. Карт. 14. Папка 4. Л. 31; при публикации фрагментов переписки это письмо опущено; в архиве сохранилась, среди прочего, тетрадь «Димины стихи декабрь 1928 года» и макет невышедшей книги «Jean Neuvcelle. Dix sonnets et chansons. Aracoeli MCMLII»). Один из его рассказов был отправлен на отзыв не склонной к излишним комплиментам З. Н. Гиппиус: «Ваши „Братья“ — интересная вещь, и написана очень интересно. Если чуть-чуть слишком тонко, то не мне ставить это в упрек, я вечно перетанчиваю. Говорю, конечно, о форме внутренней (и внутренней ее художественности) <,> так как о внешней судить так, как о русской,

не могу, не зная „тайны“ французского языка. <...> С Вяч<славом> Ивановичем мы говорили больше не об этом, о другом. О том, что мне, в какой-то мере, жалко было, что вы, при русской *mentalité* (а я ее чувствую) принуждены писать по французски, на языке остром, но слишком точном, за которым нет, как будто, возможности передать особенную, трепетную туманность; свой русский шарм. Это мое замечание нас завело далеко; и в таких далях, где уже разговор не о литературе, — об ап. Павле и т. д. — я, конечно, с Вяч. Ив. соглашаюсь... Он, если захочет, сам напишет Вам об этом споре; я же, здесь, замечу только, что апостолов Павлов, даже *en herbe*, пока не вижу и предпочитаю скромно говорить о литературе, даже и по поводу Вашего рассказа. И продолжаю жалеть, что русскую литературу вы любите и знаете меньше, чем французскую» (Шишкин А. Б. Непубликованное письмо З. Н. Гиппиус к Д. В. Иванову // Пути искусства. Символизм и европейская культура XX века. М., 2008. С. 319–320).

Дебютная публикация французских стихов Иванова состоялась в ноябре 1931 года, когда он, после обострения туберкулезного процесса, находился на излечении в швейцарском Давосе: «Издавался тогда один журнальчик, „Davoser Revue“, возглавлял его русский эмигрант, в прошлом тоже больной, — после исцеления многие стремились остаться в Давосе. Имя Вячеслава Иванова было ему знакомо. В один из приездов ко мне отца этот человек пришел с ним повидаться и спросил, не даст ли тот ему какое-нибудь стихотворение для журнала. Отец ответил: „Нет, у меня сейчас нет стихов, но знаете, может быть, у сына...“ — „Очень хорошо, замечательно!“ Для хозяина „Davoser Revue“ не было большой разницы между отцом и сыном, и он напечатал сына. Это был мой дебют... <...> Это получалось совершенно самопроизвольно. Мне просто хотелось себя выразить. Я написал несколько новелл, несколько стихотворений.

У меня не было четкого представления о том, чем я хочу заниматься. Я знал, что в любом случае должен получить среднее образование — ведь мои занятия внезапно прервались, — должен получить степень бакалавра, а что дальше, я не очень понимал. Я подумывал о литературном поприще, но довольно расплывчато» (Обер Р., Гфеллер У. Беседы с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым. СПб., 1999. С. 85; цикл «*Sonnets Grisons*» напечатан: *Davoser revue*. 1931. November. S. 34–35; ср. отклик отца: «Мне огромная радость видеть твои *Sonnets Grisons* напечатанными. Их можно так и сяк критиковать, но одного нельзя отрицать, в чем однако все дело: это безусловно — поэзия, и притом еще оригинальная, своя, подлинная. Это то, что сказал мне, прочтя мою рукопись, Влад<имир> Соловьев». — Письмо Д. В. и Л. В. Ивановым 5 декабря 1931 года. — Избранная переписка с сыном Дмитрием и дочерью Лидией (1925–1941). Вступ. ст. Ф. Лесур, подгот. текста А. Кондюриной и О. Фетисенко, коммент. С. Кулюс и А. Шишкина // Символ. 2008. № 53–54. С. 613).

По окончании университета Дм. Вяч. получил диплом преподавателя и назначение в лицей Феликса Фора в Ницце, где проработал несколько месяцев, после чего переехал в Страсбург, чтобы готовиться к экзамену на звание агреже. После сдачи экзамена подвизался преподавателем в Шартре (где публиковал стихи в местной газете). После войны, не оставляя преподавательской работы, сделался журналистом, печатаясь по преимуществу под псевдонимом Жан Невсель («Жан — потому что я почитаю Иоанна Евангелиста, а Невсель — потому что в этом городке я родился». — Обер Р., Гфеллер У. Беседы с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым. СПб., 1999. С. 117). Был корреспондентом французской газеты *Combat* в Риме; с 1949 года, бросив преподавание, стал римским и ватиканским представителем крупной газеты *France-Soir*; в 1955-м, исполняя редакционное задание, на несколько месяцев

отправился в СССР. Здешние его маршруты, представлявшие собой результат компромисса между личными склонностями, газетными пожеланиями и временной толерантностью властей, включали в себя поездки в Ташкент, Бухару, Самарканд, Акмолинск, Киев, Петербург, Владимир и др. Среди прочего им были возобновлены семейные связи, расторгшиеся в 1924 году: с потомками М. О. Гершензона (дочь запомнила его: «...тонкий, изящный человек, говорящий по-русски с чудесной старомодной правильностью, похожий на отца, хотя и не отличающийся тем неотразимым мужским обаянием, каким, по маминым словам, отличался Вячеслав Иванов»). — Гершензон-Чегодаева Н. М. Первые шаги жизненного пути: воспоминания дочери Михаила Гершензона. М., 2000. С. 278), семьей В. Бородаевского («Уже в зрелом возрасте, вскоре после первого молодежного фестиваля в Москве Дмитрий Вячеславович, римский корреспондент парижской газеты „Франс суар“, писавший под псевдонимом Жан Нёвсель, посещал нас в Сокольниках. Они подолгу говорили с бабушкой — о былом, о последних годах Вячеслава Ивановича в Ватикане, где он был хранителем папской библиотеки». — Бородаевский А. Пропажа, или альбом моей бабушки // Бородаевский В. Посох в цвету. М., 2011. С. 300) и др.

В последующие годы работал корреспондентом швейцарского радио в Риме и Ватикане, посвящая свое основное время обработке и публикации колоссального архива Вяч. Иванова.

Обстоятельства появления его стихотворения в советской книге не документированы; составитель ее, В. А. Мануйлов, был учеником Вяч. Иванова в Бакинском университете и входил в ближайшее его окружение (см.: Лавров А. В. В. А. Мануйлов — ученик Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. СПб., 2010. Вып. 1. С. 620–669). Вероятно, в одном из несохранившихся писем он получил текст Дм. Вяч. и в качестве небезопасного жеста признательности

включил его в сборник: «Так, известен целый ряд попыток окончить известный набросок Пушкина:

В голубом эфира поле
Ходит Вesper золотой, —
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.
Догаресса молодая...

Дм. Иванов в 1930 году дал следующее комментированное продолжение:

„У знаменитого немецкого писателя Т. А. Гофмана есть повесть ‘Дождь и догаресса’, начинающаяся описанием картины одного берлинского художника. Картина изображает дождя, сажающегося с женой в гондолу. Он — сосредоточенный, угрюмый старик, она — совсем юная женщина, почти ребенок, с грустно-мечтательным выражением лица. На раме картины итальянское четверостишие приблизительно такого смысла: ‘Ах, без любви нет отрады в прогулке по морю с самим супругом моря...’ (Дождь как глава морской торговой республики ежегодно венчался с морем, бросая в него золотое кольцо). Возможно предположить, что пушкинский отрывок о дожде и догарессе навеян именно этой повестью Гофмана, героями которой являются престарелый дож морской Фальери и его супруга Аннунциата. <...>“

Это предположение дает смелость следующим образом закончить те пять строк Пушкина, которые оставил без окончания сам великий поэт» (следует печатаемое нами стихотворение; Литературные игры. Сборник. Пособие для руководителей литературных кружков и библиотечарей / Сост. В. А. Мануйлов. Л.; М., 1938. С. 182–183). В семье и ближайшем окружении Дм. Вяч. Иванова жила память об этом эпизоде, печатно изложенная, в частности, в комментариях к работе: Шишкин А. Б. Неопубликованное письмо З. Н. Гиппиус к Д. В. Иванову // Пути искусства. Символизм и европейская культура XX века. М., 2008. С. 321; здесь продолженным отрывком ошибочно названо «Близ мест, где царствует Венеция златая...».